

УДК 165.42+304.44

М. Ю. Предеина
кандидат філософських наук,
старший преподаватель кафедри філософії і історії
Таврицького національного університету
імені В. І. Вернадського

К РЕКОНСТРУКЦИИ АНТИНОМИЙ

Пара слов об актуальности.

«Либо *A*, либо *не-A*, а третьего не дано», – гласит известный закон логики. Кто-то из двух неизбежно ошибается, а может (того хуже), обманывает нас. В *своих* границах этот закон верен. Только границы его не безграничны: что-то перестает срабатывать на бесконечных множествах. Впрочем, цель автора не критика закона исключения третьего на манер Брауэра. Речь о другом: философия как один бесконечный текст воспроизводит удвоение истин; едва мы убедились в *A*, как следуют неопровержимые аргументы *не-A*. Данный феномен известен с античности, уже тогда философ отчаянно выбирался из водоворота *A/не-A*. Новация нашего времени в другом: на берегу больше нет камней, за которые можно ухватиться; иначе, внешний по отношению к философии мир – нравственность, религия, экономика, etc. – больше не поставляет нам бесспорных оснований.

«Текущая современность» (Бауман), «спираль удвоения», «головкружение» (Бодрийяр) – все образы не философского эмпира, а *живой* повседневности. Образы, говорящие чувства, но ускользающие от концептуализации. *Поймать их – вот наша задача.*

Апория, антиномия, противоречие

Апория или антиномия, а может, противоречие подстерегает нас при первой попытке определения этих понятий: пока не определим, каждое понятие играет своими красками; едва определили – тусклая монотонность, «ад того же самого».

Философские словари [12; 14] однообразно твердят об *A/не-A* и в лучшем случае оживляют изложение вставкой о диалектическом противоречии. Об апориях и антиномиях вердикт один: оба понятия об одном и том же – о «безвыходных положениях», «равной логической доказуемости». Однако как быть с напрашивающимся различием? В философию (но не в словарь) каждое понятие входит, ведомое за руку своим автором, точнее, «концептуальным персонажем» (термин Делеза). Апория – это Зенон, антиномия – Кант, противоречие – Гераклит или Гегель. Этим персонажам нет в определениях из словарных статей, там их место где-нибудь во втором абзаце в качестве примеров. Вот только пример часто единственный. Безусловно, апории бывают не у одного Зенона, а антиномии – не у одного Канта, но раз уже эти понятия срослись со своими персонажами, не лучше ли взять их вместе с ними?

Понятие, взятое *вместе* с персонажем, – то, что позволяет избежать монотонности, безликой тождественности.

Зенон – трудный персонаж: тот, кто живет не в собственном, а в *чужом* тексте. Хотя персонаж – это лишь имя, каким философ мог бы подписаться: Критик, Абсолют, Заратустра, etc. За Зенона просто подписываются *другие*, вопрос: как?

Элиас, комментатор Аристотеля и христианин VI–VII вв., не подписывается именем «Зенон», а с неприязнью сообщает: «Зенон был диалектиком в жизни: говорил одно, а думал другое. На вопрос тирана, кто самые опасные заговорщики, злоумышляющие против его тирании, Зенон указал на его телохранителей, а тот поверил, казнил их и был убит. Потому что он считал, что солгать ради свержения тирана – это хорошо. В другой раз он составил для своего учителя Парменида аргументацию из сорока эпихерем, так как считал, что быть союзником учителя – это хорошо» [15, с. 302]. Из «тяжелого» христианского времени Зенон выглядит излишне «текучим»: тем, кто говорит одно, а думает другое; лукаво мудрствует и ловит в свои сети всезнаек, простаков, тиранов – всех, кто под руку попадет. Элиас сводит вместе двух Зенонов – Зенона-практика и Зенона-теоретика; и эти два Зенона зеркально отображают двух Кантов: Зенон-практик

считает, что солгать ради свержения тирана – это хорошо, а Зенон-теоретик – что хорошо быть союзником учителя. Кант, наоборот, против лжи в практике и против союзнической верности в теории. Иначе там, где у Канта – «твердо», у Зенона – «текуче», и наоборот.

Под апориями подписывается Зенон-теоретик: тот, кто чувствует под ногами *твердое* основание тез Парменида. Верит ли Зенон на самом деле, что движения нет, неважно. Важно другое: в апориях он играет в верующего – в того, кто знает истину. «Зенон, – сообщает Плутарх, – в совершенстве владел эленктическим (= действующим через эленхос, уличающее опровержение – *М. П.*) искусством – через противоречие загонять противника в безвыходное положение» (= апория – *М. П.*) [15, с. 300]. Зенон *уличает* противника в том, что тот не умеет мыслить движение; ходить умеет, мыслить – нет. Но мыслить движение самому Зенону не нужно: его теза – «движения нет». Зенон загоняет в «безвыходное положение» *других*, но не самого себя: «Ага, – говорит он, – нечего ответить, то-то же: движения нет».

Апория Зенона – безвыходное положение для *другого* (но не для Зенона); противоречие, смиряющее противника, заставляющее с изумлением принять невероятную истину, которую Зенон *предпосылал* рассуждению. Аналог апории в геометрии – доказательство «от противного»: неверно думать, что для учителя теорема является проблемой; учитель *знает* истину.

Кант – тоже непростой персонаж, потому что подписывается *разными* именами. Но если Зенон под апорией подписывается «догматик» (или «шутник, играющий в догматика»), то Кант под антиномией – «вдумчивый критик».

«Под антитетигикой, – пишет Кант, – я разумею не догматические утверждения противоположного, а противоречие между догматическими по виду знаниями, из которых ни одному нельзя отдать предпочтение перед другим» [9, с. 264]. В антиномии Кант *теряет* твердую опору: твердое – это догма, или «истина», замкнутая сама на себя, защищенная от опровержений упрямством своего автора; но *критик*, выйдя за границы догматического упрямства, обречен видеть *две* «истины» в их *равной* логической доказуемости. Антиномия – это проблема для *критика* (а не для другого); в антиномии критик сам загоняет себя в «безвыходное положение». (Да, Кант «снимает» антиномии в «практическом разуме», но ценой того, что меняет свою подпись: он больше не критик-логик (теоретик), а некто иной – тот, кто чувствует в себе «нравственный закон». Кант берет твердое основание из внешней для логики сферы.)

Антиномия (если рассуждать, как гегельянец) – «снятие» апории; момент, в котором апория из *внешнего* (проблемы для *другого*) переходит во *внутреннее* (в проблему для *критика*).

(Зенон поставил бы проблему «как мыслить движение», если бы перешел от апории к антиномии. Но за него это сделали позднейшие комментаторы, к примеру Асмус.) [1, с. 56].

Наконец, противоречие. Логическое противоречие присутствует в апории и в антиномии, именно оно загоняет другого или критика в безвыходное положение. Но *диалектическое* противоречие замыкает тройку понятий, служит их разрешением.

«Оно (противоречие – *М. П.*), – пишет Гегель, – должно считаться не просто ненормальностью, встречающейся там и сям, но отрицательным в его существенном определении, принципом всякого самодвижения <...> Само внешнее чувственное движение есть его непосредственное существование. Нечто движется не только потому, что оно теперь здесь, а в другой момент там, но поскольку оно в один и тот же

момент здесь и не здесь, поскольку оно в этом здесь есть и не есть. Следует вместе с древними диалектиками признать противоречия, указанные ими в движении, но отсюда не следует, что движение поэтому нет, а следует, напротив, что движение само *существующее* противоречие» [7, с. 484]. Гегель не просто решает апорию Зенона (отвечает, как мыслить движение), но меняет точку зрения на противоречие: оно из логики переходит в *существование*, в *жизненность*.

Жизнь, практика – сцена, где разрешается противоречие. Там же, впрочем, решается антиномия Канта. Но Кант берет из жизни данное (а не иное) *твердое* основание: то, что позволяет выбрать *одну* из сторон антиномии. У Гегеля же сама жизнь *текуча* («здесь и не здесь», «есть и не есть»); противоречие разрешается не в утверждении одной из сторон, а в переходах, в единстве которых возникает нечто *новое* (не равное ни одной из сторон). В этом свете противоречие – *ожившая* антиномия; антиномия, стороны которой, перейдя в *существование*, ожили и начали переходить друг в друга. (Так Гегель разрешает апорию движения, антиномию конечного/бесконечного, etc.)

Но мы пока не определили Гегеля как персонажа. Это – тоже непросто: в текучих переходах Гегель – один, а в «снятиях» (в твердых «снятиях», как прусское государство) – другой. Твердое «снятие» меняет взгляд на противоречие: оно из текучего переходит в твердое, *застывает* в жестко определенных стадиях – теза, антитеза, синтез. В «Науке логики» превалирует текучее, а в «Философии права» – твердое. В свете твердого мира антиномия есть теза и антитеза, застывшие в ожидании своего синтеза.

Между Гегелем и Кантом

Гегель в твердых «снятиях» может подписаться «Абсолют», именно эта подпись позволяет ему уверенно разрешать все противоречия, приводить дело к синтезу. Но подпись не отменяет *не-абсолютности* самого Гегеля. Не зря его «снятия» особенно напыщенные, вроде «государство – это шествие бога в мире» [8, с. 284], трудно прочесть *сегодня* без усмешки. Дело не в самой фразе, а в том, что персонаж «Абсолют» притязает предвидеть конец бесконечной (в потенции) истории. Иными словами: автор обычно ошибается, считая историю человечества законченной (разрешенной, «снятой»), потому что в его собственной книге пора ставить точку.

Поэтому от твердого «снятия» мы вынуждены сделать шаг в сторону антиномии (тезы и антитезы). Это не значит, что антиномии нельзя «снять» вообще, но антиномию «снимает» *история*, *жизнь*, а не многоумный автор (по прозвищу «Абсолют»). Антиномия тут подобна гипотезе: как уверяют методологи науки, даже хорошо проверенную теорию лучше назвать «гипотеза» (а не «истина»); по аналогии, *А/не-А* лучше скептически назвать «антиномия» и не обещать догматического (твердого) «снятия».

Антиномия, как то, к чему мы приходим, отступив на шаг от *твердых* «снятий», созвучна нашему *текучему* миру. Однако это – не антиномия Канта.

Антиномия Канта живет в теории и разрешается в практике. Как шутит Луман: «Буриданов осел выживет, если поймет, что не способен принять решение; тогда он именно поэтому примет решение» [10, с. 473]. Критик не знает «снятия» антиномии, но, несмотря на это, может жить: тем более что критик не живет как человек из плоти и крови, а представляет собой «чистый разум». Буриданов осел, будучи телесным (а не логическим), решение принимает, причем если он кантианец, то сообразуясь с твердыми основами нравственности. Вот тут-то проблема.

Антиномии Канта выражают спор теизма и атеизма в теории, а в практике Кант выбирает теизм, как соответствующий нравственности. Эту позицию он полагает *универсальной*. Но теизм и атеизм существуют в *жизни*, более того одно обуславливает, воспроизводит другое: не будь теизма не было бы атеизма. Выбор же *одного из* (признание чего-то одного нравственным) подвергнет отрицанию права других и отнюдь не утвердит «доброе, разумное, вечное». Для атеиста теист – тот, кто временно (под давлением обстоятельств) отказался от практики инквизиции. А для теиста атеист – тот,

кто временно (и тоже под давлением) отказался от практики большевизма. Ни один из них не признает в другом мерило *своей* нравственности, и каждый *ограничивает* другого, мешая другому притязать на универсальность. В этом *ограничении* – как в воспроизводстве антиномии теизм/атеизм – и состоит нравственность. Иначе нравственно то, когда *каждый* чудит на *свой лад*. (На один лад чудят в «исламском государстве», в *предельном* случае – общества без атеизма.)

Кант «не работает» потому, что сегодня нравственность *текуча*, и это – *норма*. (Он, как и Гольбах, полагал, что в основу нравственности должно положить что-то одно и не предполагал, что в основе могут лежать переходы от одного к другому.) Единственно, что сегодня *твердо* – *запрет на исключение другого*. (Здесь, кстати, парадокс: запрет на исключение другого допускает исключение другого, который хочет кого-то исключить – джихадист, расист, сексист, гомофоб, все исключаются за исключение.) Но запрет на исключение не решает антиномию, а лишь поддерживает ее на плаву: точнее, запрет на исключение другого признает, что антиномия – это *нормально*.

А буриданов осел тем временем умирает? Не совсем. *Данный* буриданов осел выбирает «одно из» – свою философию, свою религию (или атеизм), свой пол, etc. А *множество* буридановых ослов выбирают *разное* и тем самым тоже поддерживают свое существование. Для *сообщества* буридановых ослов четкий выбор «одной из» сторон антиномии обычно плохо кончается – то костры разведут, то камнями забьют, то еще что-то.

К реконструкции антиномии

Пора подвести промежуточные итоги:

– антиномия – *текучее* противоречие, «есть и не есть», «здесь и не здесь»;

– термин «антиномия» подчеркивает *равноправность* сторон, именно то, что стороны переходят, ограничивают, взаимообуславливают друг друга, поддерживает существование нечто как данного нечто (а не иного);

– антиномия не предполагает «снятия»; если «снятие» происходит, значит, мы назвали антиномией тезу и антитезу гегелевской триады;

– антиномия *существует* в жизни и именно поэтому, перейдя в теорию, служит *средством* описания действительности.

Примечание 1. Ярким выразителем *жизненных* антиномий был поэт французского Возрождения Франсуа Вийон; он, пожалуй, первым заглядывает (предельно откровенно) в свое *Я* и открывает его *текучую* противоречивость: «От жажды умираю над ручьем. // Смеюсь сквозь слезы и тружусь играя. // Куда бы ни пошел, везде мой дом. // Чужбина мне – страна моя родная. // Я знаю все, я ничего не знаю...» [4, с. 285–286]. *Я* не определено, и в этом его определенность: «Я скуп и расточителен во всем. // Я жду и ничего не ожидаю. // Я нищ и я кичусь своим добром. // Третий мороз – я вижу розы мая...» [4, с. 286]. «Сними Вийон антиномию, выбери одну из сторон, и его как *поэта* Франсуа Вийона не будет: появится ученый-педаант, или бережливый бюргер, или еще кто-то. Вийон (в отличие от буриданова осла у Лумана или нравственно-твердого Канта) учится жить (а доведется, то и умирать) вместе со своей антиномичностью. Хотя радости от этого немного: «Я – Франсуа, чему не рад. // Увы, ждет смерть злодея, // и сколько весит этот зад, // узнает скоро шея» [4, с. 286].

Примечание 2. Франсуа Вийон – поэт *текучего* времени, тот, кто говорит о себе: «Я всеми принят, изгнан отовсюду» [4, с. 286]. Эта бесприютность как отсутствие обязательств принять одну из тез открывает Вийону глаза на *умножение* истин: «Но, как понять, где правда, где причуда? И сколько истин? Потерял им счет» [4, с. 286].

Не о том ли пишет наш современник Бодрийяр? «Попадая в спираль удвоения, всякое свойство возводится в превосходную степень – более истинное, чем истина, более красивое, чем красота, более реальное, чем реальность, и обеспечивается эффектом головокружения» [3]. «Спираль удвоения» работает уже у Вийона, давая эффект «истин наизнанку» (так это определил поэт):

«Лентяй один не знает лени, // на помощь только враг придет, // и постоянство лишь в измене. // Кто крепко спит, тот стережет, // дурак нам истину несет <...> Вот истины наоборот: // лишь подлый душу бережет, // глупец один рассудит право, // осел достойней всех поет, // и лишь влюбленный мыслит здраво» [4, с. 285]. До «спирали» есть лентяй и трудолюбивый работник, а в «спирали» – лентяй один не знает лени; эта оценка вне шкалы «хорошо/дурно»: сама шкала существует для бюргера (которому не все равно, как трудится его работник), а для бесприютного Вийона «хорошо/дурно» не существует, ведь поэт – не бюргер.

Некоторые следствия. 1-е примечание наводит на мысль, что антиномия (как мы выше ее определили) известна почти каждому. 2-е примечание уточняет: чтобы антиномия была выражена *открыто* (а не предана замалчиванию как нечто постыдное), нужны *определенные условия – текучее время.*

(Остается добавить. Текучее время, описанное Зигмундом Бауманом [2], – это не только наше время. Но поскольку наше время текучее тоже, то реконструкция антиномий своевременна.)

Антиномии и их «снятия»

Антиномии Вийона обращены к сокровенному в нашем Я и потому отчасти не в счет, ведь в счет идет то, что выражено в понятиях. (Такова задача статьи – поймать антиномии в понятиях.) Антиномии, выраженные «объективно», – вот предмет заключительной части.

Исчислить все антиномии вряд ли возможно, поэтому пока ограничимся парой примеров, показательных для проблемы «снятия»: первый пример о том, что *настоящая антиномия не «снимается», а отмирает* (утрачивает актуальность), второй – о проблеме экстраполяции «снятия» в малом на большое, иначе о *проблеме масштаба.*

Пример 1. Антиномия инструментального действия: в труде человек утверждает себя как человека, и в труде человек делает себя вещь. Эту антиномию как будто просто решить: в труде человек делает себя вещь *только* в условиях эксплуатации; вина лежит не на инструментальном действии «вообще», а на конкретной «форме общения». Но не все так просто: антиномия именно о труде как таковом. У Маркса, кстати, тоже сложнее: «*Частная собственность*, – пишет он в рукописях 1844-го, – есть продукт, результат, необходимое следствие *отчужденного труда*, внешнего отношения рабочего к природе и к самому себе» [11, с. 97]. Из отчужденного труда вырастает частная собственность (!). Маркс наследует Гегелю, который в «Иенской реальной философии» (работе почти «марксистской») пишет: «Труд есть посюстороннее *делание-себя-вещью* <...> Я поместил *хитрость* (= орудие – М. П.) между мной и внешней вещностью, чтобы шадить себя <...> Но я экономлю только количественно, все равно натираю себе мозоли. *Делание-меня-вещью* – еще необходимый момент» [6, с. 306–307]. Гегель не презирает орудие: через орудие человек господствует над природой, хитростью заставляя, одну часть природы (орудие) обернуться против другой. Вот то, почему «человек – это звучит гордо». Но в том же орудийном действии человек делает себя вещь; в одном и том же акте он утверждает и ничтожит себя, возвышает и унижает. (Немного архаично «натираю себе мозоли» суть дела не меняет: оператор при машине тоже вещь.) Не эксплуатация клеймит труд проклятьем, а проклятьем труда («*делание-меня-вещью*») рождает эксплуатацию: труд – то, что не жалко (даже желательно) уступить другому. Для сравнения: действие, опосредованное словом (не орудием) – будь то власть, поэзия, философия, уступить другому почти невозможно: каждый сам лезет на трибуну.

Данная антиномия осознана в Новое время; Гегель, Маркс говорят от имени Нового времени, ставшего достаточно зрелым, чтобы увидеть блеск и нищету труда. Но сейчас эта антиномия звучит архаично, и причина не в том, что уже найдено решение: просто инструментальное действие *смещается на периферию*, переезжает из Лондона в Пекин. В развитом мире на повестке дня «четвертая промышленная революция»: «В будущем талант будет представлять критический

фактор производства, – говорит отец-основатель форума в Давосе Клаус Шваб, – что приведет к четкому делению «низкая квалификация/низкая оплата» и «талант/высокая оплата». <...> Победитель получает все» [18]. Шваб обещает мир, где человек творит наедине с ноутбуком: наконец-то исчезнет конвейер, останется одно (?) творчество, «производство идей». Но творчество-то – *не-инструментальное* действие: талант создаст идею, а кто тиражирует эту идею в серийном производстве вещей? Говорят, 3-D принтер [17]. Звучит красиво. Но пока тиражирует *Китай*, именно там инструментальное действие находит свою новую родину: в Китае – все приметы старого индустриального Лондона, там заводы, рабочие, смог. (В The Financial Times публикуют интересную статью. В городе металлургов Таншань решено провести выставку цветов. Одна беда: в городе металлургов цветы не растут, а люди ходят по улицам в респираторах. Власти решают на три-четыре месяца остановить заводы, за это время в город подвезут новую почву, цветы, деревья – все, что нужно. Возмущенные рабочие, отправленные в неоплачиваемый отпуск, требуют: продолжить работу. Люди требуют продолжать то, что их убивает.) [16].

Все еще длящаяся драма инструментального действия больше не интересна потому, что идет она на провинциальных сценах, и заводы Китая не мешают Бауману, Бодрийяру, etc. писать о смерти заводов.

Антиномия инструментального действия не «снимается», но *отмирает*: точнее, к ней угасает интерес.

Пример 2. Антиномия «гражданской открытости»: в странах, где нет демократической традиции, существует авторитарная тенденция, и в странах, где есть демократическая традиция, существует авторитарная тенденция. Эта антиномия рождается на наших глазах как отрицание «конца истории». Первая часть – крах «арабской весны», разворот к авторитаризму в России, исламистский ренессанс в Турции и многое другое. А вторая часть: победа Трампа в США, растущий рейтинг «правых» в Германии, Франции и тоже многое другое. (Есть уже состоявшийся «правый» разворот в Венгрии и Польше, остается решить: была ли в этих странах демократическая традиция?) То есть государством как «общим ресурсом» граждане управляют не лучшим образом, не оптимально.

«Общий ресурс» – понятие, которое отсылает нас к микроэкономике, к уровню решений «хозяйствующих субъектов», точнее, к работе Остром «Управление общим» [13]. Остром обнаруживает, что традиция противопоставления частной и государственной собственности, как *A/не-A*, не состоятельна: есть еще общая собственность, правила управления которой разрабатывают сами участники. Ее работа не выходит за границы экономики. Но разве государство – не «общий ресурс», а граждане – не участники, разрабатывающие правила? Искушение экстраполяции велико.

Но (опять «но») условие эффективного управления «общим ресурсом» в экономике – исключение «безбилетника», того, кто пользуется благом, не внося вклад. К примеру, крестьяне, сообщая управляющие системой ирригации, могут лишиться участка того, кто берет воду для полива, но уклоняется от работ по очистке канала. Данное условие – *существенное*: если его нет, дело не пойдет. А можно ли исключить «безбилетника» в политике? В целом-то, да. Более того, демократическая форма правления вплоть до Первой мировой войны включала ценз, из демократии *исключались* – не-собственники, не-мужчины, словом, те, кто, по мнению бюргера, ехал без билета. «Источником «гражданской открытости», – пишет Хабермас, – было тождество «собственника» и «просто человека» [5, с. 134]. «Однако, – уточняет он, – чтобы открытость была таковой, интерес класса бюргеров должен восприниматься как всеобщий. По мере разрушения данной идентификации гражданская открытость превращается в закрытость» [5, с. 134]. К Первой мировой «гражданская открытость» уже прошла этот путь и стала *закрытостью*.

Наконец, исключение «безбилетника» блокируется *твердым* принципом нашей *текучей* нравственности – *запретом на исключение другого*.

Экстраполяция «управления общим» не «снимает» антиномию «гражданской открытости», а придает ей новые оттенки: включение масс («безбилетников») приводит к авторитаризму (массы падают на популизм), и исключение масс («безбилетников») приводит к авторитаризму (сегодня интерес бургеров не воспринимается как всеобщий, а значит, бургерам придется либо прибегнуть к насилию, либо опять-таки к популизму).

(Не является ли нынешний «правый» разворот – тактикой хитрых бургеров?)

Антиномия «гражданской открытости» сдерживает крайности (в этом ее позитив), правда (увы) не в существовании, а в разуме: критик равно не может ни требовать ограничения избирательного права, ни аплодировать массам. «Что делать?» – это проблема для критика.

Кратко

Нет смысла в пространном заключении, да и понятие антиномии дано выше. Остается повторить, что понятие антиномии актуализировано в наше текучее время, а сами антиномии существуют в жизни (и лишь затем в «чистом разуме»). Антиномия (не зря она антиномия) соединяет в себе отрицательное и положительное: да, антиномия – затруднение, однако лучше пребывать в затруднении, чем давать псевдоответ; да, антиномия – положение буриданова осла, однако иногда отсутствие жесткости, текучесть – то, что отвечает нравственности (запрету на исключение другого); да, бывает антиномию хочется «снять» (к примеру, антиномию «гражданской открытости»), однако «снятие» не может быть навязано истории. Антиномия – это то, с чем можно и нужно работать.

Литература

1. Асмус В.Ф. Античная философия. Москва: Высшая школа, 1976. 543 с.
2. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. Санкт-Петербург: Питер, 2008. 240 с.
3. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / пер. с фр. URL: <http://www.rulit.me/author/bodrijar-zhan/fatalnye-strategii-download-free-380828.html>.
4. Вийон Ф. Поэзия / пер. с фр. И. Эренбурга. Библиотека всемирной литературы: в 200 т. Москва: Художественная литература, 1974. Т. 32: Европейские поэты Возрождения. С. 281–288.
5. Габермас Ю. Структурные перетворения в сфере открытости / пер. з ним. А. Онишко. Львів: Літопис, 2000. 317 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Иенская реальная философия / пер. с нем. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Москва: Мысль, 1970. Т. 1. С. 287–385.
7. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / пер. с нем. Москва: Мысль, 1999. 1072 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем. Москва: Мысль, 1990. 524 с.
9. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. Москва: Мысль, 1994. 591 с.
10. Луман Н. Социальные системы / пер. с нем. И.Д. Газиева. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 641 с.
11. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / пер. с нем. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 43–174.
12. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. Москва: Мысль, 2001.
13. Остром Э. Управление общим / пер. с англ. Т. Монтян. Киев, 2013. 400 с.
14. Философская энциклопедия: в 5 т. / под ред. Ф.В. Константинова. Москва: Советская энциклопедия, 1960.
15. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I / издание подготовил А.В. Лебедев. Москва: Наука, 1989. 575 с.
16. Financial Times от 8 марта 2016. URL: <https://www.ft.com/content/37fd6a16-e59b-11e5-a09b-1f8b0d268c39>.
17. The third industrial revolution. The Economist. April 21, 2012. URL: www.economist.com/node/21553017.
18. Schwab Klaus. The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum (January 11, 2016). 199 p.

Аннотация

Предеина М. Ю. К реконструкции антиномий. – Статья.

Философия ищет безвыходные положения, чтобы затем указать из них выход. Апории, антиномии, противоречия – все имена одного и того же или, точнее, почти одного и того же. Иллюзия тождества исчезает, едва появляется «концептуальный персонаж»: апории Зенона, антиномии Канта, противоречия Гегеля. Зенон доказывает «от противного», предпосылает истину рассуждению. Кант замирает перед двумя истинами и актом воли выбирает одну. (Как шутит Луман: «Буриданов осел выживет, если поймет, что не способен принять решение; тогда он именно поэтому примет решение».) Гегель проводит через выражи тез и антитез, чтобы найти истину в «снятиях», и тем самым подвергает антиномии негации. На этом бы поставить точку, если бы не одно «но»: все персонажи и их концепты – дети «тяжелого» времени, а наше время – «текучее» (образы Зигмунта Баумана); мы больше не уверены в том, что «снятия» есть. Поэтому антиномии (как формы рассуждения), «схватывающие» удвоение истины, обретают новое («текучее») основание. Вот только убежища в «практическом разуме», как когда-то у Канта, у нас больше нет. Антиномии – то, что подлежит не возрождению (по Канту), но реконструкции.

Ключевые слова: апория, антиномия, противоречие, «концептуальный персонаж», Зенон, Кант, Гегель, «снятие», «текучая современность».

Анотация

Предеина М. Ю. До реконструкції антиномії. – Стаття.

Філософія шукає безвихідні становища, щоб потім знайти з них вихід. Апорії, антиномії, протиріччя – імена майже одного й того самого, але не зовсім. Ілюзія тотожності зникає, коли з'являється «концептуальний персонаж»: апорії Зенона, антиномії Канта, протиріччя Гегеля. Зенон доводить «від противного», у нього істина передєе доказу. Кант замирає перед двома істинами й актом волі обирає одну. (Як жартує Луман: «Буриданів віслук виживе, якщо зрозуміє, що не здатен прийняти рішення, тоді він і прийме рішення».) Гегель грає тезами та антитезами, знаходить їх «зняття» й тим самим здійснює негачію антиномій. На цьому можна було б поставити крапку, але всі персонажі та їхні концепти – діти «твердого» часу, а наш час – «текучий» (метафори Зигмунта Баумана); ми більше не впевнені в тому, що «зняття» є. Антиномії (як форми умовиводів, котрі «схоплюють» подвоєння істини) отримують нову «текучу» основу. Але тільки притулку в «практичному розумі», як колись у Канта, для нас теж більш не існує. Антиномії – те, що підлягає не відродженню (за Кантом), а реконструкції.

Ключові слова: апорія, антиномія, протиріччя, «концептуальний персонаж», Зенон, Кант, Гегель, «зняття», «текуча сучасність».

Summary

Predeina M. Yu. To the reconstruction of antinomies. – Article.

Philosophy is looking for hopeless positions, then to find out from them the way out. Aporia, antinomy, contradiction are almost identical concepts, but only “almost”. The illusion of identity disappears, when a “conceptual character” appears: the aporias of Zeno, the antinomy of Kant, the contradictions of Hegel. Zeno argues “from the contrary”, his truth precedes the proof. Kant freezes in front of two truths and an act of will chooses one of them. (As Luman jokes: the Buridan donkey will survive, if he realizes that he is incapable of making a decision, then he will make a decision.) Hegel plays with theses and antitheses, until he brings them to “withdrawal”, and thereby carries out the negation of antinomies. This would put a point, but there is one “but”: all the conceptual characters are children of “solid” time, but our time is “liquid” (metaphors of Zygmunt Bauman); we are no longer convinced, that “withdrawals” exist. Antinomies (as forms of reasoning, expressing the doubling of truth) receive a new “liquid” foundation. We can no longer, as Kant once did, hide under the shadow of practical reason. Antinomies are something that is subject not to rebirth (according to Kant), but to reconstruction.

Key words: aporia, antinomy, contradiction, “conceptual character”, Zeno, Kant, Hegel, “withdrawal”, “liquid modernity”.